

Кристина Ятковская
Сыр

Кристина Ятковская

Сыр (сборник)

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5816679*

Аннотация

Вы держите в руках книгу о просто-вещах.

В ней маленькие тексты для взрослых, детей и их динозавров.

Почему сыр?

Сыр – это и улыбка на камеру, и соль, и горечь, и много дыр, и пространство для домыслов, и влюблённость в козу, и вонь, и традиция. Это текучесть и твёрдость. Это время. Это изыск. Это скорый бутербродик. Это летающая тарелка. Скажите и съешьте сыр. Это ваша книга!

Посвящаю тебе, дорогой читатель.

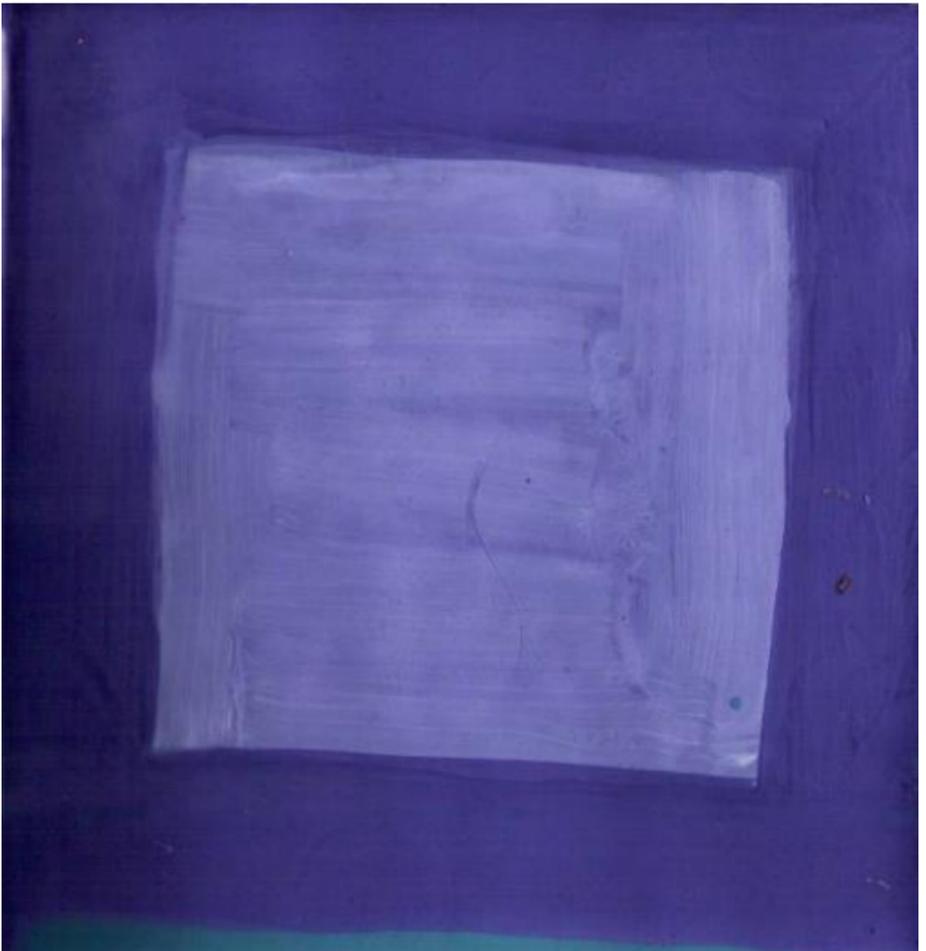
Содержание

От автора	5
Инверсии	8
Тарелка	8
Рыба	11
Лампа	15
Песок	18
Фисташки	20
Автобус	22
Дети, теряющие пуговицы	25
Пуговицы, теряющие детей	28
Дети	31
Соня	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Кристина Ятковская

Сыр

От автора

Вы держите в руках книгу о просто-вещах.

В ней маленькие тексты для взрослых, детей и их динозавров.

Почему сыр?

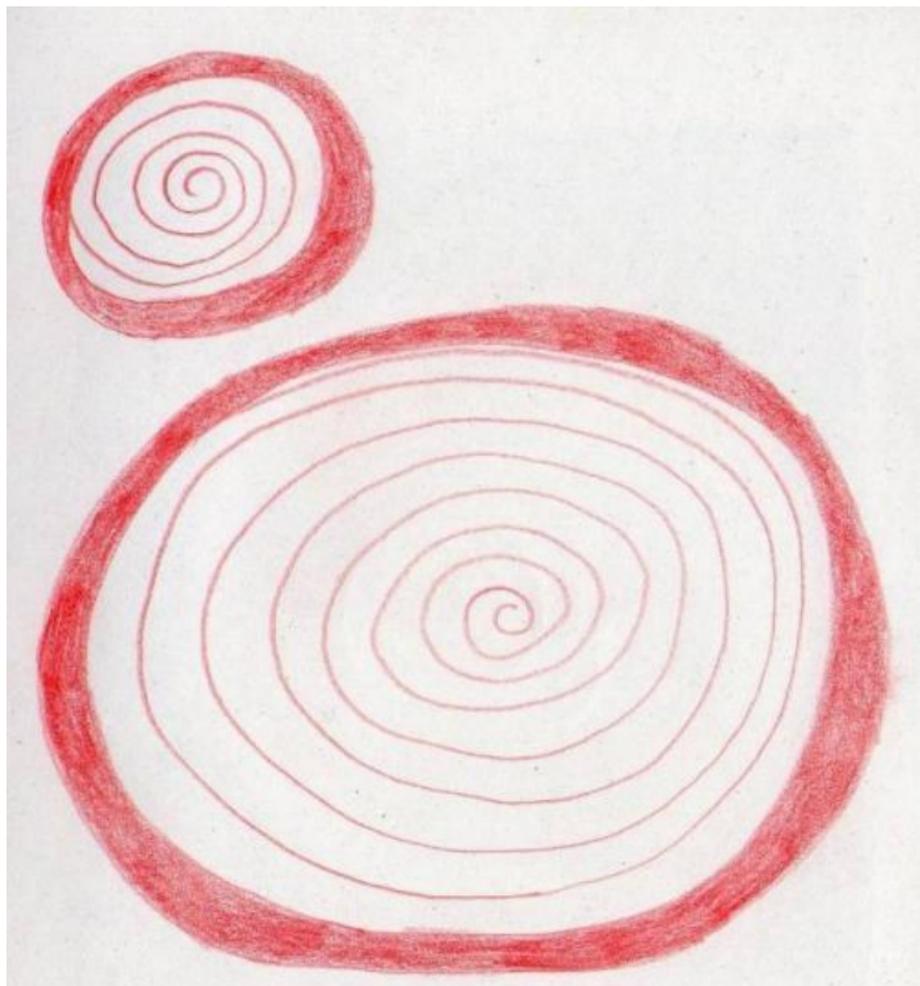
Сыр – это и улыбка на камеру, и соль, и горечь, и много дыр, и пространство для домыслов, и влюблённость в козу, и вонь, и традиция. Это текучесть и твёрдость. Это время. Это изыск. Это скорый бутербродик. Это летающая тарелка. Скажите и съешьте сыр. Это ваша книга!

Посвящаю тебе, дорогой читатель.

Инверсии

Тарелка

Один человек очень хотел завести тарелку. Гулять с ней, кормить, воспитывать, может быть, даже натренировать для выставок.

Но ему говорили – тебе ещё рано. Разобьёшь. Нельзя тебе заводить тарелку.

А потом он вырос, и как только вырос, то сразу пошёл в тарелочный магазин и выбрал там тарелку на свой вкус. И стал с ней гулять, кормить, воспитывать, даже натренировал для выставок. Тарелка, бывало, позвякивала при виде человека, а вечерами устраивалась у него на коленях.

А ещё через несколько лет человек состарился и ссохся, неосознанно снизив свой вес в два раза. И тогда он сел на тарелку, и они улетели далеко, счастливо посмеиваясь и попадая в объективы зевак.

Рыба

Вот жил человек, и был он совсем один, хотя пора уже было жениться и заводить детей.

Ему и так было нормально, но всё-таки не очень.

Тогда он завёл себе рыбу. Купил большой аквариум-шар и запустил рыбу в прозрачную воду.

Рыба виляла хвостом, почти как собака, и молчала, как черепашка, а человек смотрел, как она виляет и молчит, и ещё искрится при этом.

Она очень искрилась, потому что стояло лето, и солнышко светило почти как в калифорнии.

Человек ничего не делал, только знай себе смотрел на свою рыбу.

Проснётся утром – и смотрит, ест – смотрит, компьютер включит – и то краем глаза нет-нет да и поглядит.

И так пока не придёт пора ложиться спать.

А сны ему снились тоже не абы какие, всё больше море. Или река.

Так прошёл год.

Рыба заметно выросла, и человеку пришлось прикупить аквариум побольше, уже не круглый, а такой, знаете, как ванна.

Может быть, сказывался сырой климат, но вскоре человек заметил, как его кожа сереет и становится больше похожей

на чешую, он переборол себя и купил крем из серии люкс.

Он смотрел на свою уже такую большую и добрую рыбу и мазался кремом серии люкс, мысли его были далеко даже от своей кожи и других проблем, ему было не одиноко, только не хватало разговоров, и он разговаривал с рыбой.

Рыба не отвечала, только хлопала веками, и человеку надоело всё время одному говорить, и мазаться кремом из серии люкс надоело, а чешуек было всё больше и они были всё мельче размером, зато очень красиво искрились.

Стояло лето, и было почти как в калифорнии.

Человек больше не выходил из дому, а весь обратился в созерцание красоты своей рыбы, с которой ему не было одиноко.

Он хотел сказать ей – смотри, сегодня как за окном светло, и блики на воде, а знаешь, как сейчас прогревается море, как быстро и прохладно текут реки.

Но не говорил, не хотел, убеждал себя – да она и так это знает, рыбы всё знают.

В один из дней он вдруг стал задыхаться.

Он хотел позвать на помощь, но только ловил ртом острый воздух, беспомощно виляя искрящимся хвостом и маленьким телом, и только глаза говорили – в сон, в сон, в воду, куда-нибудь.

Тогда рыба выпростала из своего аквариума ногу, потом вторую ногу и обе руки.

Она потянулась и потёрла подбородок – ничего себе вы-

росла борода! – она ступила на пол и с кожи стекали целые лужи.

Рыба взяла человека в ладони, и человек благодарно затрепетал, кажется, никогда ещё так сильно не бился пульс.

А через миг или два мига он ощутил прозрачную воду вокруг себя и в себе тоже, и глубоко вдохнул, и поплыл.

Рыба улыбалась, а потом посмотрела на него пристально и сказала:

– Смотри, как сегодня солнечно.

Лампа

Одна лампа поставила на стол человека и сказала: свети.

– Я ж не звезда тебе, светить! – заупрямился человек.

Но лампа молчала и смотрела на него в сдержанном нетерпении, на улице было уже довольно темно.

Деваться со стола некуда, и человеку ничего не оставалось, как поднатужиться и выдавить из себя хотя бы слабенький луч или точечку, пусть даже осветить лежащую перед ним скрепку. Он зажмурился, задерживал дыхание, тёр ладони, вертелся на месте и дул перед собой, но ничего не происходило. Он издавал мелодичные звуки, по щекам лились напряженные слёзы, ноги пускались в пляс, пальцы складывали невиданные фигуры. Ничего не менялось, лампа подозрительно скрипела и вздыхала.

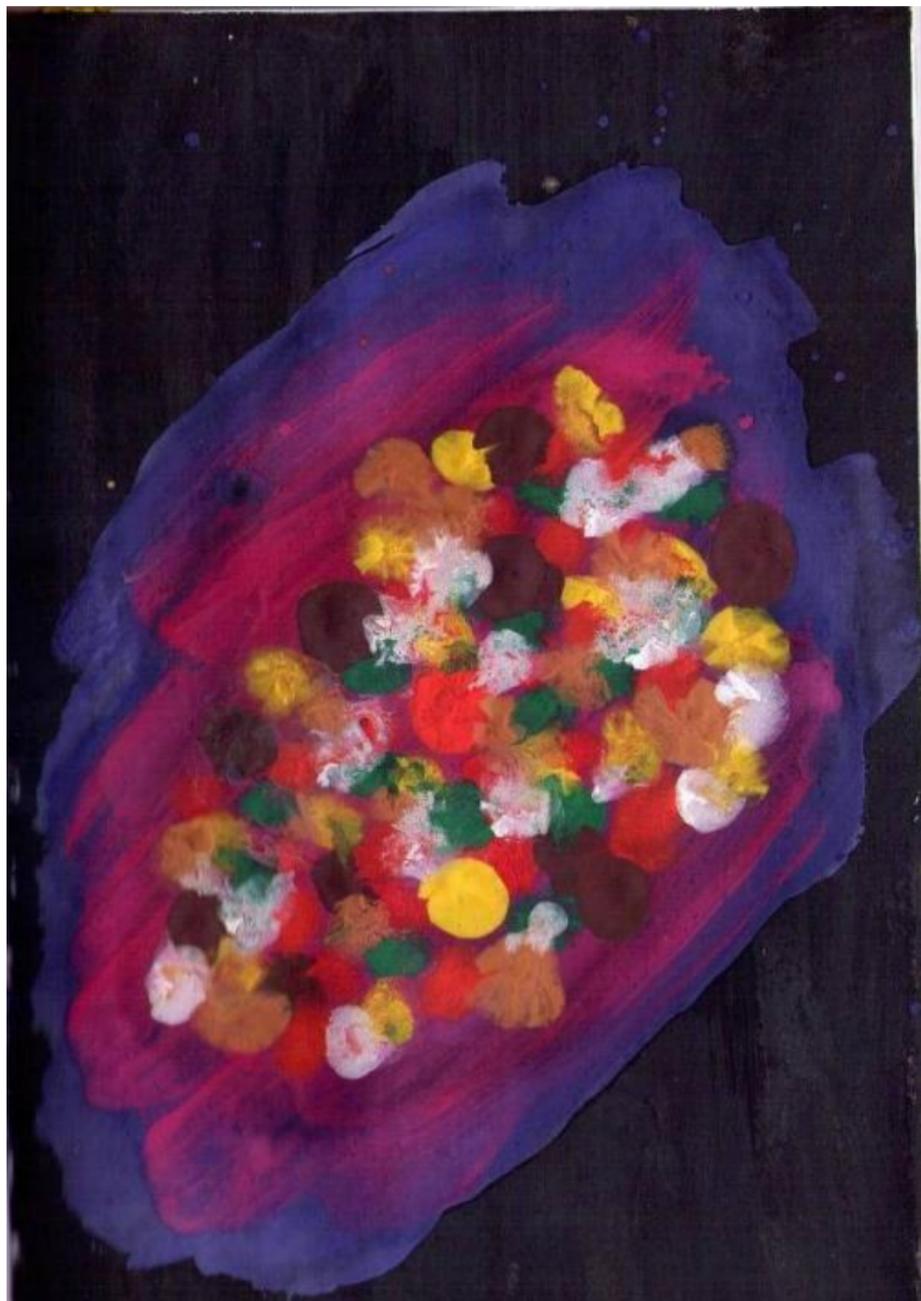
В окно заглянула луна и облила стол своим бледным светом.

– Это я, – сказал человек. – Так светло?

– В самый раз, – кивнула заскучавшая лампа.

Человек беззаботно присвистнул и заснул. Наутро пришла точилка и заточила человека острее некуда, а лампу вынесли на домашнюю распродажу. Когда в следующую ночь луна снова пришла на выручку, то не узнала человека из-за торчащего из макушки грифеля. Тем не менее, снова было светло, и человек написал много занятных слов о звёздах и

лезвиях.

Песок

Один человек построил мельницу из вертолётных лопастей.

Вертолёт его потерпел крушение посреди пустыни. Человек стартовал из пустыни, и приземлиться намеревался тоже в пустыне, но чуть подальше.

Сначала он лежал в тени вертолёта и считал птиц, хотя птиц не было. Языком перемещал травинку во рту, хотя не было никакой травинки. Песок засыпался в уши, лопасти переговаривались между собой.

Какая-то из небывших птиц села рядом с человеком и долго смотрела, как он погружён в свои мысли и не обращает внимания. Солнце начинало припекать.

– Хочется сладких булочек, – сказала птица.

– Воды, – сказал человек. – Сначала воды, потом сладких булочек, и ещё воды.

– Сначала булочку, – она постаралась надавить на то, что хватит и одной.

Так он стал мельником, потому что лётчик получился निकудышный. Птиц прилетало всё больше, а человек добрел.

Спустя много лет птицам надоело жить на одном месте. Они собрались в большую стаю, подняли человека в воздух и улетели далеко.

Говорят, что вскоре он построил мельницу из птиц.

Фисташки

Один человек очень долго сидел под дождём и стал гладким, как морской камушек.

Очень долго сидел за столом и стал согнутым, как ракушка.

Его ушные раковины выбросило приливом на берег, а он и не заметил.

Вечерами фисташки в его пепельнице воображали себя мидиями и болтали о море, которого никогда не знали.

Как-то утром человек уплыл вместе с рыбами, потому что он это умел.

Соль во рту осталась насовсем – от фисташек, от мидий или от проходящей воды – спросить уже не у кого; в остальном же полный порядок.

Автобус

Один человек взял на себя слишком много и превратился в автобус.

Внутри сразу же набились пассажиры.

Господин в шляпе, который вёз рыбку в целофановом пакете. Школьная экскурсия, дети – мальчики и девочки. Возмутительный бродяга. Спящая собака. Продавщицы. Старухи. Человек с заткнутыми ушами. Спящий человек. Одинокий человек. Семейный человек. Человек с велосипедом. Человек с контрабасом. Человек с птичками. Человек с сумками. Чьи-то сумки. Чей-то чемодан. Турист с фотоаппаратами и маленькой дочкой. Учительница. Человек с сомнениями. Опаздывающая девушка. Человек с тающим мороженым. Потеющий человек. Скучающий человек. Человек с вянущими маргаритками. Человек в очках. Человек в мечтах о другом человеке. Человек с канистрой бензина. Нервный человек. Дед, одетый не по погоде. Человек с переломом. Хихикающие люди. Кашляющий человек. Человек на работу и человек уже с работы. Человек с книжкой.

Куда деваться, нужно было везти всех по маршруту, аккуратно соблюдая остановки. На то и автобус. А про то, что ты ненастоящий автобус, никому знать не следовало.

Потом он взял в себя так много, что перестал останавливаться на остановках. Он сошёл с пути. И, доехав до горизон-

та, всех их съел, потому что господин в шляпе, который вёз рыбку в целлофановом пакете, начал о чём-то догадываться.

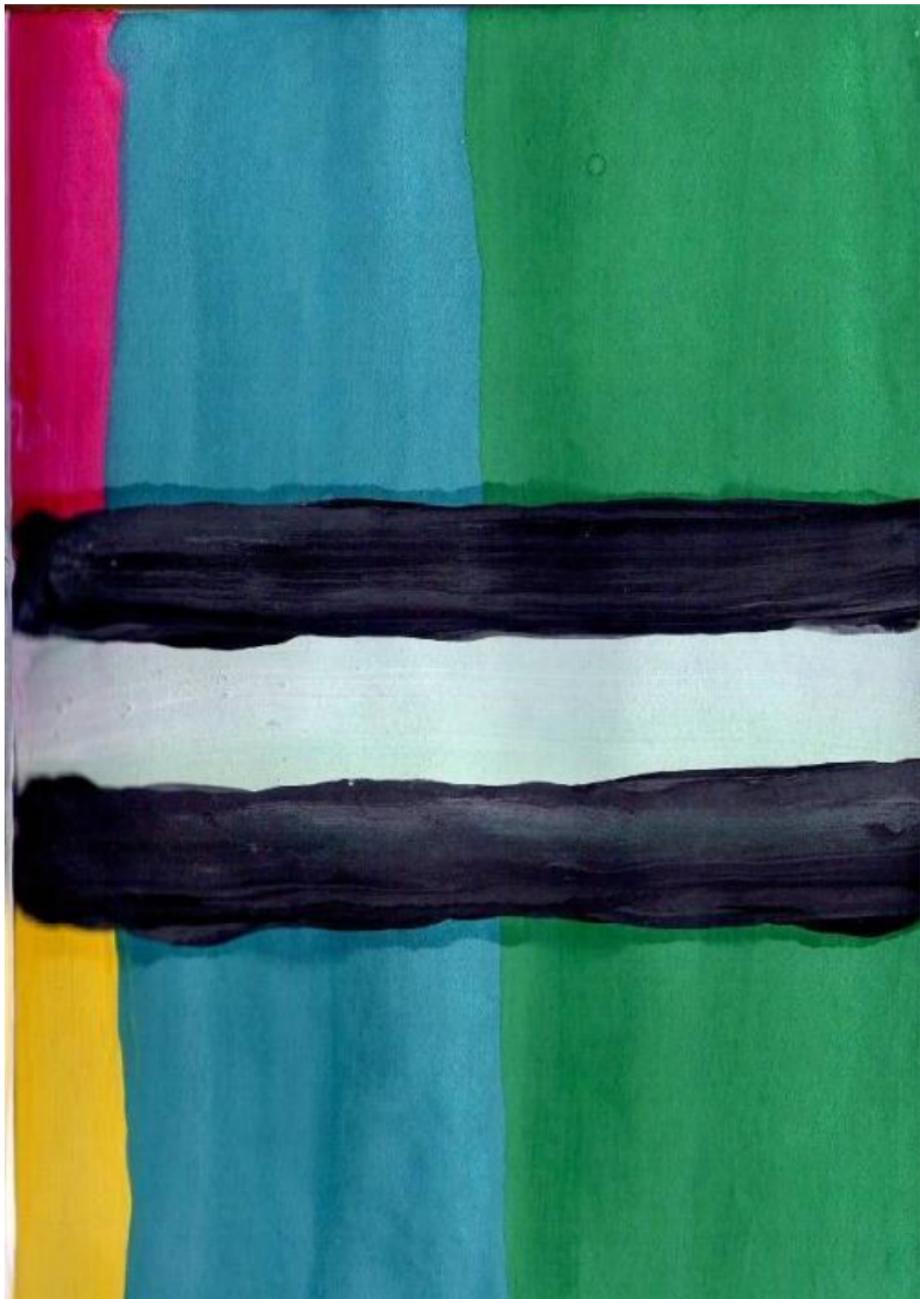
Дети, теряющие пуговицы

Патологическая проверка почты делает тебя похожим на почтальона. Только наоборот: ты повязан со своим почтовым отделением, пусть даже оно умещается в ладонь, но при этом только хлопаешь дверцами пустых ящиков. Или жадно накидываешься на очередной ошмёток газеты. Или счёт. Или – о боги – действительно, письмо. От другого, такого же повязанного.

Я верблюд, и у меня в руках куча почтовых ящиков. В пустыне они не очень нужны, но я, как вы уже знаете, иначе не могу. Я верблюд не из-за горбов, хотя в прошлой жизни точно звонил в колокол и жил в башне. Просто я много пью. Воду. Все фильтры – мои друзья. Все фонтаны, колодцы и краны. Кулеры. Привлекательные бутылочки и баночки, холодильники, чайные сервизы. Очень много я пью, и верблюды, держу пари, пьют столько же. Почтовая разница между нами лишь в том, что им не приходят письма оттого, что приходит им некуда, а мне – просто никто не дописывает до конца. Верю, что пишу. Я тоже пишу очень медленно. Это вообще чудо, что я умею писать.

В детстве моей мечтой было стать яблоком. Кто-то сказал, что можно вырасти на дереве, созреть и налиться соком. Красные бока такие красивые. Блестят. В них можно натывать гвоздики и никогда не состариться. Я висел на ветке и

обливался потом, но солнце нисколько не округляло моих очертаний. Я надувал щёки и думал о кожуре и косточках. Яблоню приходили трясти, чтобы призвать меня к порядку или к обеду, но я ещё не был готов. А потом я чуточку подрос, и ветка обломилась; я понял, что сгнил, так и не став яблоком. С тех пор мне нечего терять, во всяком случае, мечты никакой не осталось.

Пуговицы, теряющие детей

Не знаю, сколько мне лет, но знаю, сколько у меня веток. На ветки иногда вешают конверты, в которых – то письма, то пустота. Приятно, когда письма, я ощущаю наполненность, даже зимой, когда до яблок ещё далеко.

Приходят люди и поют моим птицам. Петь могут те, которым легко ощутить на себе оперение. Остальных я трясую, чтобы они приносили свои плоды, иначе ничего не выйдет.

Иногда мне скучно, и я читаю. Один человек хотел стать яблоком, а я не помогла, не хотела. Я-то знаю, как лучше, как он любит пить сок и писать имэйлы, я знаю, как скучно ждать осени без его болтовни о зверях. Зверей я никогда не видала.

Яблони, кажется, не стареют; или мне одной повезло не глазеть на себя, в то время как прочие сохраняют свою тонкость. Мне бы хотелось развешивать на чужих ветвях письма и нажимать на кнопки, хотелось бы наливать тому крохе чай в его маленькую чашку, но больше он не приходит, ветви отрастают, а его всё нет, значит, стал зверем, если они и вправду существуют.

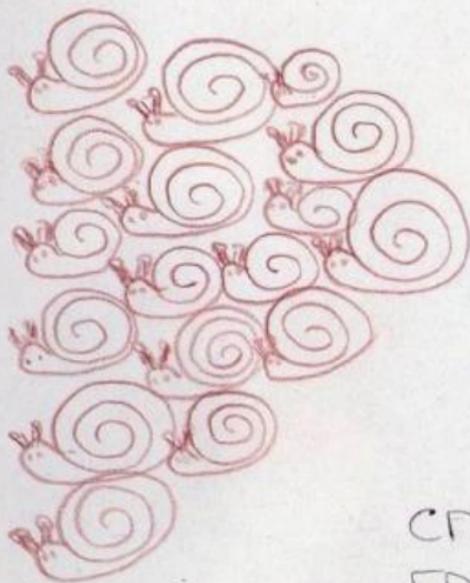
Птицы говорят исключительно о делах и утомляют, они похожи на корни, до того глубоки их мысли. В них тоже нет старости, только перемещения и следы на снегу. Для этого им нужны люди, для лёгкости, нет ничего слаще пения людей

В весеннюю пору.

Дети

Соня

! *
СПЕЛАЯ
ГРОЗДЬ
ВИНОГРАДНЫХ
ЭСКАРГО

Соня хороша, как сверкающая бусинка, она будто сошла с мозаики на стадионе Юных пионеров. Я не знаю ничего про этих пионеров, они давно вымерли, ещё до меня, пусть даже юными, гигантские ящеры и те реальнее. Но Соня, ей навсегда четырнадцать, лёгкие волосы, сладкие щёки, мечтательная спина.

С каждым годом и днём рождения, думаешь, что не дорасти до неё, не достать, эта пропасть будет вечной, непреодолимой, никаких мостов, не допрыгнуть; она могла бы перелететь ко мне, если бы захотела, она лёгкая, что ей стоит. Но Соня никогда ко мне не прилетит, я не умею с птицами, тем паче с ангелами.

Соня как идеальная идея, как тот финальный, приплюсованный к общей массе звук, выжимающий из тебя слезу, или отпускающий всю твою внутреннюю сжатость на свободу, как собственноручный разрыв на теле. Возвращаешься ночью по тёмной улице, случайные шатающиеся люди, скудные лучи жёлтого света, разве что подсветить лужу, и тебе ничего не слышно, ни машин, ни гудящего электричества, слышно только музыку твоей любви к Соне, как оглушённый идёшь, весь в слух, бесконечное повторение, и вдруг в тебя пуля, чья-то случайная. Ударяет в спину, или в голову, или в шею, где кожа нежнее. И очень не сразу чувствуешь боль, только холодное, только прикосновение, как Сонин палец зимой, одной из тех зим, когда вы вдруг стали знакомы. Она хороша, как сверкающая бусинка, как луна, как звёздочка, сразу

чувствуешь себя и ниткой, и небом, только не знаешь, как об этом сказать, пока не погасло, пока не проснёшься с нею рядом, не подумаешь – моя, не задохнёшься от подступающих слов, отступающих действий. Правда ли всё это? Сонин холодный палец, вот что тебя ударяет, так, что не почувствуешь боли, не успеешь испугаться, чего ты боялся раньше? Темноты? Нелюбви? Клыкастой собаки? У Сони не было собак, не было никаких животных, у неё были люди, много людей, и стать одним из них, это как войти в нобелевские лауреаты, не зная критериев, не зная направления, за математику ты или за мир. Ощупываешь темноту за её платьями, зрачками, ресницами, подошвами ботинок и туфель, шагами то в сантиметр, то в милю, одна за другой слоями снимается папиросная бумага, всё отчётливее Соня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.